

ГРАФ СОКОЛОВСКИЙ
И ТАИНСТВЕННЫЙ
СОЦИАЛИСТ

*Александр Васильевич
Свистула*

16+

Александр Свистула

**Граф Соколовский и
тайнственный социалист**

«Автор»

2017

Свистула А. В.

Граф Соколовский и таинственный социалист / А. В. Свистула —
«Автор», 2017

ISBN 978-5-532-93219-7

Дом графа опустел, жизнь в нём, кажется, остановилась. Прошли времена громких расследований, дуэлей, шумных собраний. В эти хмурые дни за помощью к своему другу и наставнику обращается молодой следователь. Ему необходимо раскрыть преступление, совершённое из политических убеждений. И если граф Соколовский откажет в помощи, то его друга ждёт понижение по службе и перевод из столицы. Сможет ли знаменитый сыщик помочь в раскрытии таинственного убийства?

ISBN 978-5-532-93219-7

© Свистула А. В., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава первая. Угрюмый дом	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Свистула Граф Соколовский и таинственный социалист

Рассказ посвящается Дмитрию – моему доброму и близкому другу, поддерживающему меня в студенческие годы. Без него, его замечаний, не было бы этой истории.

Глава первая. Угрюмый дом

Жизнь в пригородном двухэтажном доме, казалось, погрузилась в глубокий спокойный сон. Высокий забор надёжно скрывал от посторонних глаз владельца дома и его слуг, изредка покидавших свою обитель. Уже больше года из деревянных окон, украшенных традиционными русскими узорами, не раздавался гневный крик хозяина. Жители окрестных поместий и дачных домиков стали забывать наполненный деспотичными нотками голос графа Соколовского. Местные с трудом могли припомнить времена, когда толстые ворота ежедневно открывались перед многочисленными посетителями.

Поэтому появление перед усадьбой чёрной брички не могло не удивить прохожих. Из брички выскочил молодой и энергичный господин в тёмно-синем кафтане. Это был возмужавший Борис Михайлович Матюшкин, служивший в Петербурге судебным следователем. Несколько пар любопытных глаз неотрывно проводили столичного сыщика, пока за его спиной не захлопнулась массивная кованая калитка.

Покончив с завтраком, постаревший граф Соколовский не спешил вставать из-за стола. Он дождался, когда служанка уберёт столовые приборы, и закрылся от окружающего мира газетой. Тяжёлый характер хозяина дома ещё больше испортился после длительного одиночества. За последний год он превратился в молчаливого, замкнутого и совершенно не терпевшего возражений старика. Несмотря на уговоры своей старой няни, ныне исполняющей обязанности экономки, граф практически не покидал дом и редко принимал гостей. Даже члены семьи исключительно редко навещали его. Можно сказать, весь круг общения сжался до старой няни и денщика Фёдора, которого хозяин дома обучил игре в шахматы.

Газета шелохнулась в руках графа, когда из передней донеслись неразборчивые звуки, которые позволили предположить о появлении гостя. Вскоре в столовую столь же важно, как и бесшумно, прошествовал дворецкий. Он был пруссаком по происхождению, но уже давно жил в России.

– Прибыл Борис Михайлович Матюшкин, – с едва уловимым акцентом объявил дворецкий.

– Моё почтение, Александр Константинович, – в комнату влетел улыбчивый судебный следователь. – Простите за беспокойство, но я нуждаюсь в Вашей помощи.

– Марфа, принеси гостю чая, – донеслось из-за газеты, и Соколовский открылся незваному гостю.

Следователь Матюшкин на секунду остановился в удивлении. Улыбка застыла на его лице, а брови удивлённо подпрыгнули вверх. За несколько месяцев граф сильно изменился, густые тёмно-русые волосы отступили перед старостью, позволив седине обойти с флангов густую соколовскую шевелюру. Глубокие борозды морщин сетью легли на угрюмое лицо, частью скрываясь в зарослях пышных усов и треугольной бородки. Время и одиночество не пощадили знаменитой бороды графа Соколовского. Взлохмаченная, с пробивающейся седinouй, она делала своего обладателя похожим на тощего медведя, проснувшегося посреди зимы. Кончики усов безрадостно повисли, сливаясь с нерасчёсанной бородой. Лишь глаза остались прежними, и всё так же тёмно-карие зрачки сверкали неизменной прозорливостью.

– Приветствую вас, Борис Михайлович. Давно вы нас не посещали. Присаживайтесь, дружок. А ты скройся с глаз немедля, – гневно бросил граф.

Последнее относилось не к Матюшкину, а к немцу-дворецкому, застывшему в почтительной неподвижности. Граф и слуга обменялись молчаливыми взглядами, после чего дворецкий бесшумно покинул комнату. Молодой чиновник сел по левую сторону от хозяина дома. В это время из коридора донёсся женский голос.

– Простите, Александр Константинович, слишком много хлопот стало в моей жизни. С таким ритмом жизни остаётся удивляться, как я ещё имя своё не позабыл.

– Ой, дорогой Борис Михайлович, – к столу поспешно подошла дородная экономка.

Когда-то эта пожилая женщина была няней Александра Константиновича. И по прошествии многих лет граф относился к ней с глубоким уважением. Она поставила на стол поднос с чашками, баранками, чайником, блюдцами и прочими приборами. При её появлении Матюшкин поднялся с места и успел перехватить пухлую ручку для поцелуя.

– Ох, – смущённо фыркнула экономка. – Как вы возмужали. Ни дать, ни взять – Его превосходительство! А манерам было бы неплохо кое-кому поучиться.

Однако назидательные слова своей былой няни поседевший граф пропустил мимо ушей.

– А я видела, как вы подъехали ко двору, – расставляя на столе три чайных чашки, призналась экономка. – Сначала даже не угадала. Думала барин какой-то едет. А как пригляделась – батюшки, так ведь это наш Борис Михайлович! Мне как раз сон после вчера снился. Будто, приехали к нам жандармы и стали Александра Константиновича о помощи просить. Сон-то в руку оказался. А у нас такая тоска, ужас!

– Хватит, – прервал угрюмый граф и высыпал в чашку одну ложечку сахара. – Он приехал не для того, чтобы слушать твою болтовню. Так зачем же?

Немного смутившийся следователь вернул чашку на блюдце и посмотрел в глаза графа. Про себя он отметил усилившуюся резкость в поведении хозяина дома.

– Александр Константинович, видите ли, у меня появились трудности, которые мне не решить без ваших знаний и опыта.

– Убийство?

– Да, – признал Матюшкин и отхлебнул чаю. – Девять дней назад в Петербурге был убит младший сын подполковника Аносова Владимира Павловича. Впрочем, он же и единственный. Старший сын погиб в японской войне. Вы случайно не знакомы с этой семьёй?

– Аносов? Не припомню, чтобы слышал о нём раньше.

– Аносовы живут на севере столицы, в небольшом огороженном особняке. Девять дней назад, двадцать пятого июня, неизвестный застрелил сына подполковника в их усадьбе.

Густые чёрные брови графа вопрошающе приподнялись вверх, требуя продолжения. Следователь Матюшкин отставил чай и, отказавшись от баранки, предложенной заботливой старушкой, продолжил рассказ.

– Его звали Ярослав Владимирович. Двадцати трёх лет. Близкие говорят, раньше он слишком увлекался карточной игрой.

– Пока оставим это. Для начала расскажите, как произошло убийство.

– В начале одиннадцатого ночи в дом вошёл неизвестный. Слуга видел его, он был предупреждён о визите.

– Слишком поздно для гостей.

– Убитый сам часто возвращался домой ночью. И, бывало, к нему приходили в подобное время.

– Значит, Ярослав... Владимирович ждал гостя?

– Да. Они прошли в библиотеку. Прошло совсем немного времени – около десяти-пятнадцати минут, как раздался выстрел. Его слышали слуга, впустивший гостя, и садовник. Они даже попытались остановить негодяя, но убийце удалось сбежать. Мы уже опросили всех знакомых покойного, но это нисколько не продвинуло следствие. Сначала я решил, что причиной всему мог стать карточный долг. Раньше Ярослав Владимирович был заядлым картёжником, но потом прекратил играть и в клубе «Фортуна», где он часто бывал, не появлялся почти месяц. Это только подтверждало мои мысли, но члены клуба говорят, что у него не осталось крупных долгов. Я в замешательстве, а начальник полиции требует скорейшего результата. Подполковник Аносов приходится его жене двоюродным братом.

– Скучное дело, – сконфузился граф Соколовский и жестом приказал Марфе убирать со стола. – Копайтесь в его окружении, рано или поздно что-то выяснится. Беспричинно ещё ни в одного человека не стреляли. Найдёте причину – найдёте убийцу.

– Близкие говорят, что это убийство – дело рук социалистов, – зная слабые места графа, добавил Матюшкин.

– О! На них всех собак скоро навешают. Ты чего рот раскрыла? – граф гневно посмотрел на застывшую экономку.

– Помоги ты Борису Михалычу, – потрясла толстой шеей Марфа. – Ведь сидишь здесь, словно в кошеевом царстве.

– Уноси поднос, – не терпящим возражений тоном приказал граф. – В вашей бричке найдётся для меня место?

– Конечно, Александр Константинович! Поедмте сейчас? – радостно ударил по дубовой крышке стола Матюшкин, мысленно поблагодарив экономку за поддержку.

– Постойте, Борис Михайлович, – граф успокаивающе вскинул правую руку. – Вы сказали, сына подполковника Аносова застрелили девять дней назад, так? И как мы будем выглядеть в глазах его близких? Ведь сегодня девятины. Не будем доставлять родителям покойного ещё большего горя и не станем донимать их расспросами в день поминаения. Поедем завтра. Приезжайте ко мне, скажем, в два часа пополудни.

– Действительно. Вы правы, Александр Константинович. Значит, в два часа моя бричка будет у ваших ворот.

Постаревший, но не потерявший восхитительной осанки, граф поднялся из-за стола и неспешно проводил дорогого гостя до дверей. Они любезно попрощались, и Соколовский некоторое время глядел вслед удаляющейся бричке. За нею протянулся длинный шлейф пыли. Граф с нетерпением потёр сухие ладони и скрылся в глубине своего жилища. В душе он и сам радовался представившемуся случаю освежить мысли.

Глава вторая.

Выстрел

– Александр Константинович, граф Соколовский, и Борис Михайлович Матюшкин, судебный следователь.

Прихрамывающий слуга с неподдельным почтением оглядел графа, истинного петербургского дворянина. Из-под чёрного старомодного сюртука тянулся вверх стоячий накрахмаленный воротник. Он был настолько высок, что подпирал щёки, аккуратно проходя меж треугольной тёмно-русой бороды. Длинные пальцы графа поправили соскользнувшую прядь волос, тщательно зачёсанных назад. Губы прикрывали пышные ухоженные усы и острая идеальная бородка, придававшие своему обладателю важности и даже суровости. Следователь Матюшкин с восхищением смотрел на своего франтоватого спутника, хоть и отставшего от модных веяний двадцатого века. Сегодня он походил на себя прежнего, и этот факт не мог не радовать Бориса Михайловича.

Слуга Аносовых обратил внимание на необычную трость графа. Её украшали множественные горизонтальные и вертикальные чёрточки, словно вдоль неё проходила миниатюрная железная дорога. Лакированную поверхность украшали множественные мелкие кнопочки. Судя по походке графа, трость была довольна увесистой, хотя со стороны могло показаться иначе. Серебряная ручка представляла собой голову охотничьей собаки с поднятыми ушами, вынюхивающей добычу. Матюшкин уже не раз видел эту трость прежде. Эта была одна из нескольких графских «тростей с секретиком».

– Обождите, сейчас я доложу о Вас.

Слуга, немного прихрамывая, покинул переднюю и отправился к хозяину дома. Борис Михайлович провёл платочком по вспотевшему лбу и повернулся к окну, откуда открывался

вид на маленький дворик. Засаженную деревьями усадьбу Аносовых окружала толстая металлическая ограда, нагревшаяся от палящего солнца.

Передняя, в которой ожидали приглашения два друга, отличалась добротностью и скромностью. На каминной полке тихо стучали толстые часы, а стрелка двигалась с глухим звуком, похожим на отдышку. Взгляд графа упал на большую картину, висевшую напротив камина. На коне восседал бравый генерал, строго взиравший на всякого, кто входил в этот дом.

– Господа, хозяин сейчас примет вас. Прошу.

Слуга вывел их в длинный узкий коридор. По правую сторону находился ряд запертых комнат, а на другую стену привалилась старая лестница с деревянными перилами, из-за которой коридор казался ещё уже.

– Милейший, в ночь убийства кто провёл гостя к убитому?

– Я, – не оборачиваясь, ответил их проводник. – Я всегда встречаю гостей и докладываю о них хозяевам. В ту ночь мне было приказано проводить господина в библиотеку.

Слуга остановился у третьей двери и взялся за ручку. Александр Константинович выставил поперёк двери трость с головой собаки, дав понять, что открывать её пока не стоит.

– А где находится библиотека?

– Перед вами, Ваше сиятельство. Обычно сюда я привожу... посетителей.

По короткой заминке граф и его спутник поняли, что под посетителями подразумевались не самые близкие хозяевам люди. Проще говоря, незнакомцы.

– Мне необходимо переговорить с вами чуть позже.

Слуга с пониманием кивнул и, наконец, отворил дверь. Матюшкин пропустил старшего товарища вперёд.

Обширная комната, названная библиотекой, соответствовала духу добротности и надёжности, как и вся усадьба. По периметру комнаты высились книжные полки, заставленные всевозможными книгами. В большинстве мелькали переплёты на русском языке, меньше – на немецком. Посреди комнаты прижались друг к другу три стула, сторонясь необъятного жёлтого глобуса с жирным пятном посреди Тихого океана. У книжного шкафа, напротив глобуса, стоял невысокий столик, прикрытый кружевной ситцевой скатертью.

У единственного окна, распахнутого настежь, дабы впустить хоть какой-то освежающий ветерок в душное помещение, восседал полноправный хозяин усадьбы. Подполковник пехоты в отставке, Аносов Владимир Павлович свободно раскинулся в кресле, раскинув ноги в стороны, и затягивался толстой сигарой. В левой руке он держал серебряную медаль с Георгиевской лентой. Необыкновенно жаркий июль сжимал отставному вояке грудь. И даже наполовину расстёгнутая рубашка, обнажившая волосатую грудь, не спасала его от духоты. Косматые усы и строгое лицо с чертами искренней скорби показались графу Соколовскому знакомыми. В голове зародилась назойливая мысль, будто похожее лицо он встречал совершенно недавно. Подполковник Аносов медленно поднялся с низкого кресла и отложил дымящуюся сигару.

– Ваше сиятельство, рад видеть Вас в своём доме, – слегка наклонил голову подполковник. – Здравствуйте, Борис Михайлович.

– Примите мои глубокие соболезнования, Владимир Павлович, – граф приблизился к хозяину дома и пожал широкую грубую ладонь. – Мне тяжело даже представить, сколь велико ваше горе. Но мы должны мужественно переносить всё жизненные трудности, посылаемые Господом.

– Спасибо. Пока держусь, – пробурчал подполковник.

Вблизи граф смог лучше рассмотреть лицо хозяина дома. Нельзя было отрицать схожести его черт с лицом кавалериста, изображённого на картине в передней. В глазах отца, потерявшего последнего сына, пронизательный граф прочёл неизбежное чувство горя и безнадежности. Взгляд Соколовского скользнул по медали, которую подполковник держал в другой руке.

На реверсе была выбита краткая надпись, из которой Александр Константинович успел прочитать только одно слово – «Геокъ-тепе».

– Садитесь, – предложил Владимир Павлович.

Под его грузным телом низкое кресло жалобно заскрипело и, словно, смирившись с судьбой, смолкло. Дымящаяся сигара вернулась на прежнее место под косматыми усами. Подполковник Аносов убрал медаль в карман и остановил свой усталый взгляд на Матюшкине. Граф Соколовский цепкими пальцами взялся за спинку стула и придвинул его поближе к собеседнику, усевшись спиной к испачканному глобусу. Матюшкин молчаливо последовал его примеру.

– Что вам нужно, господа? Я ведь всё рассказал вам, Борис Михайлович, ещё тогда.

– Видите ли, Ваше высокоблагородие, – столь учтивое обращение вызвало небрежный взмах толстой руки. – Следствие за все эти дни практически не приблизилось к разгадке личности убийцы. И я просил своего друга помочь в поисках мерзавца. Александр Константинович всем сердцем желает помочь вашей семье. Поверьте, он обладает обширным опытом в таких делах и прирождённой сыскной способностью.

– Достаточно было сказать о моём желании помочь, – сухо бросил граф Соколовский и приставил «трость с секретиком» к подлокотнику стула. – Владимир Павлович, у вас было два сына, насколько мне известно?

– Да. Взрослых двое. Остальные померли ещё в младенчестве, – выдавил из себя подполковник. – Супруга всю жизнь хотела девочку, а я мечтал о достойном наследнике.

– Простите моё любопытство, а кавалерист на картине – ваш родственник?

– Мой отец. Он ещё в Крыму воевал, оборонял Севастополь. Был примером для нашей семьи. Эту усадьбу он строил, ещё когда я был совсем мальчишкой.

– Ваши дети следовали примеру предка?

– Мой старшенький мечтал дослужиться до адмирала. Он был бы достойным продолжателем рода Аносовых. А теперь, к чертям всё пропало, – выругался подполковник и так сильно сжал зубы, что едва не перекусил сигару. – Погиб в Порт-Артуре.

– Да. Японцы принесли нашей стране много горя, – заметил Матюшкин. – Боль поражения пройдёт не скоро.

– А младший? Ярослав Владимирович, – вежливо напомнил граф Соколовский.

– Ярослав не питал интереса к войне. Он забил себе голову всякими науками и ни о чём, кроме университетов, думать не мог. Сколько раз мы пытались сосватать его – всё пошло прахом. Все эти книжки! – гневно фыркнул подполковник, бросив взгляд на верхнюю полку.

Острый глаз Александра Константиновича смог прочесть несколько немецких фамилий на корешках книг, среди которых удалось разобрать Маркса, Фейербаха, Карла Либкнехта, Лафарга. Граф всем телом чувствовал завесу горя, окутавшую грузную фигуру Владимира Павловича. Невысказанное причиняло ему большую боль, нежели сказанное. Главной потерей для него стала не смерть двух сыновей, а отсутствие наследника, продолжателя рода. Оставь его сыновья внука – бремя было бы не столь тяжким для старого вояки. Теперь фамилия Аносовых лишилась будущего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.